

Дюк Степанович (12)

Во той-то во Нижной Малой Галицы,
Во той-то Корелы пребогатыи,
При чесной-то Омелфы Тимофеевны,
Ей сын был да молодой Дюк Степанович,
Молодой да Дюк Степанович, лет семнадцати.
Не бывал-то он во граде стольном Киеве,
Задумал ехать во стольне Киев-град,
Посмотреть князя да со княгинею,
Русских могучих да богатырей.
Пошел он скоро на конюшен двор,
Выбирал он коня троелеточка,
Седлал-уздал узду тесмяную,
Седлал седло зеркальцето,
Двенадцать клал прутов менных,
Тринадцату клал чересхребётницу,
Не ради басы — да ради крепости,
Не ради побежки лошадиной —
Ради поездки молодецкой,
Чтобы не разбил, не разметал во чистом поли.
Видели только, как в стремяна ступил,
А не видели, как на коня скочил,
Только видит мать: в чистом поли курева стоит,
Курева стоит, да дым столбом валит.
Въехал он да в стольне Киев-град
Ко тому высокоу нову терему,
А князя Владимира в доме не случилось,
Ушел он во божью церкву
Служить обедню воскресеньскую.
Он поехал опеть да во божью церковь,
Становил коня не привязанным,
Не привязанным да не приказанным.
Зашел он во божью церкву,
Запел он своим зычным голосом,
Покрывал он всех попов, дьяков,
Попов, дьяков, малых поддьяков.

Боярам толстобрюхиим завиду стало,
За велику досаду показалось,
Посылают к нему Олешеньку Поповича.
Олешенька Попович роду невежлива,
Невежлива, неочестлива:
«Какой ты, говорит, откуда пришел?»
Молодой-то да Дюк Степанович
Отказал его на первых словах:
«Не то поют, да не то слушают,
Читают обедню воскресеньскую».
Когда отошла служба воскресеньская,
Стали люди расходиться,
Расходиться да растекаться.
Подходит к нему удалой добрый молодец,
Тот-то старой Илья Муромец:
«Меня-то зовут да Илья Иванович».
Тихохонько старой да поклоняется:
«Какой, откуда, да каким именем звать?» —
«Из той-то, грит, я из Нижней Малой Галицы.
Из той-то Карелы пребогатыи,
Пречесной-то Омелфы Тимофеевны сын».
Вынял из кармана подарочки — златы перчаточки.
И пошли они из божьей церкви,
Идут они под матушку Неву-реку.
А Олешеньке завиду стало,
За великую ему досаду показалось,
Ударились они об велик заклад,
Не во ста рублях, да не во тысяцы —
О своих молодецких буйных головах:
Давай скакать да во Неву-реку, да на конях,
Вперед скочить да назад отскочить;
У которого конь обрушится,
Да штобы оторвать у него да буйну голову.
У Олешини-то Поповича конь туды и обрушился.
Молодой-то Дюк Степанович
Тут схватил его за желты кудри,
Вытащил его да из Невой-реки.
Тут сядились они опеть на добрых коней,
Подъезжали они к высокому нову терему,

Заходили они во гриню во столовую,
Садилась все они за дубовый стол.
Пир шел полупиром,
Стол стоял полустолом.
Говорит-то сын да Дюк Степанович:
«У нас-то, грит, во Нижней Малой Галице,
У нашей Корелы да пребогатой,
У нашей-то родимой матушки,
Печки-то, грит, у ней муравлены,
Помёлушки у ней шелковые,
Пóдики у ней менные,
Калацы-то, грит, ешь — больше хочетца,
По третьему ешь — сердцу проситца.
А печки-то у вас глиняны,
А подики-то у вас кирпичные,
Калацики-то ешь — верхню корочку на стол кладешь,
А нижнюю — под стол мечешь,
Одну-то ешь середышку».
Олеше Поповичу за беду стало,
За великую досаду показалось:
«Давай щеголять цветным платьем!»
Молодой Дюк сын Иванович
Написал ярлык да скору грамотку,
Коня послал в Нижню Галицу
Ко матушке родимой.
Матушка увидела из того висока нова терема,
Из окошечка косовчата.
Выбегала скоро она на улицу,
Встречала она коня доброго,
Открывала седелечко зеркальцато,
Вынимала ярлык, да скору грамотку,
Направляла ему да платье-шубочку,
Положила в седелечко зеркальцато,
Отправляла коня она доброго.
Встретил коня да Дюк Степанович,
Вынимал шубочку цветистую,
В пятьдесят пуговочек вальяжных,
Каждая пуговка ревет своим голосом.
«Я, — грит, — думал хорош-пригож стольний Киев-град,

А в стольном Киеве ничего нету».
Взели чернил, бумаг на сто рублей,
Стали описывать богатства Киев-града.
Осталось чернил, бумаги на сто рублей.
Опять взяли чернил, бумаг на пятьсот рублей,
Поехали описывать Нижню Галицу,
Ту ли Карелу пребогатую.
Поехали они в Нижню Малу Галицу,
Увидел солнце Владимир-князь.
«Солнышко-то, — грит, — лучи мечет».
Говорит-то Дюк сын Степанович:
«То у моей матушки родимой сарай золотой,
От сарая-то лучи мечёт».

(Едут гости.)

Увидела матушка родимая
Из того висока нова терема,
Из того окошечка косявчата,
Да таки слова да выговариват:
«Мое дитя, верно, захвастался,
Захвастался, да захрястался».
Выходит сперва мала служаночка,
Здороваецца князь Владимир: «Омелфа Тимофеевна!»
Дюк грит: «Это наша мала служаночка».
Выходит потом больша служаночка.
Здороваецца князь Владимир: «Омелфа Тимофеевна!»
Дюк грит: «То больша наша служаночка».
Тут выходит матушка родимая,
Причестна вдова Омелфа Тимофеевна,
В красном золоте она, не по́гнется,
Подол у ней четверы́ несут.

(Здороваютца.)

«Видно, мое дитя молодехонько да захвасталось,
Захвасталось, да захрясталось».

(Стали пировать.)

Она стала пьянешенька, веселешенька.
«Чо, — говорит, — описывать?
У нас есть, — грит, — три погребѧ глубокие:
Первый погреб — с красным золотом,
Второй погреб — с чистым серебром,

Третьей погреб — с чистым жемчугом».
Описали-то, описали-то и поехали.

*(Зап. Митропольской Н. К. и Переваловой Е. И.: авг. 1942 г., д. Верхнее
Бугаево Усть-Цилемского р-на — от Шишоловой Авдотьи Андреевны, 79 лет.)*

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.:
Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.